

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2020 Issue: 01 Volume: 81

Published: 30.01.2020 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Dmitriy Vladimirovich Popov

Andijan Machine-Building Institute

Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences,

Uzbekistan

THE CONCEPT OF «BOOK ELEMENTS» IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Abstract: This article is devoted to presenting the main theoretical views on the problem of identifying book elements in the history of the Russian literary language.

Key words: history of language, concept, literary language, book language, book-writing, book items, identity.

Language: Russian

Citation: Popov, D. V. (2020). The concept of «book elements» in the history of the Russian literary language. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 01 (81), 401-407.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-01-81-70> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2020.01.81.70>

Scopus ASCC: 1203.

ПОНЯТИЕ «КНИЖНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Данная статья посвящена анализу основных теоретических взглядов на проблему идентификации книжных элементов в истории русского литературного языка.

Ключевые слова: история языка, понятие, литературный язык, книжный язык, книжная речь, книжные элементы, тождество.

Введение

UDK 811.161.1

Понятие «книжные элементы» историки русского литературного языка, как и ряд связанных с ним понятий: «книжный язык», «книжная речь», «литературный язык» наполняют неодинаковым содержанием не только при описании различных исторических эпох, но даже при рассмотрении какого-либо одного исторического среза. Известно, что критерии определения литературного языка для донациональной эпохи и периода существования национального литературного языка различны [12; 2; 18]. Поэтому прежде чем раскрыть содержание данного понятия и указать особенности его понимания в предлагаемой работе, остановимся на дефинициях, предложенных к перечисленным выше терминам.

Очевидно, что «книжные элементы» – принадлежность «книжного языка». Под книжным языком для эпохи средневековья

традиционно понимается церковно-славянский язык в его русифицированном виде. Вопрос о степени тождества этих понятий по-прежнему решается неоднозначно, но их связь, кажется, никем не оспаривается. Более сложно дело обстоит с соотношением понятий «книжный язык» и «литературный язык». Несколько обобщая, можно заметить, что характер этого соотношения зависит от взглядов на основу русского литературного языка. Известны два основных взгляда на эту проблему:

1) русский литературный язык по происхождению церковнославянский;

2) русский литературный язык в основе своей русский, и появление церковно-славянских элементов в нем вторично.

Эти положения являются общим местом в исторической русистике, но они предполагают разный объем понятия «литературный язык». В работах последователей А. А. Шахматова «литературный» и «книжный» являются синонимами, в работах сторонников концепции С.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
 ISI (Dubai, UAE) = 0.829
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИНЦ (Russia) = 0.126
 ESJI (KZ) = 8.716
 SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

П. Обнорского понятие «литературный» шире понятия «книжный». Последнее означает, что сторонники «русской основы» литературного языка включают в сферу «литературы» не только церковные тексты (понимая под ними произведения богослужебной литературы), но и исторические, повествовательные и др. Сюда же, правда, менее категорично, относят деловую письменность. Отметим здесь, что понятие «книжный» в любом случае для донациональной эпохи оказывается связанным с понятием «церковно-славянский».

Преодолением этих двух «крайних» точек зрения явилась известная позиция В.В. Виноградова, согласно которой существовал единый древнерусский литературный язык, представленный двумя типами – *книжно-славянским* и *народно-литературным*: «Два противопоставленных и непрестанно сопоставляемых типа древнерусского литературного языка – книжно-славянский и народно-литературный – выступают как две функционально разграниченные и жанрово-разнородные системы литературного выражения. Будучи в своих контрастных, наиболее «чистых» концентрациях с генетической точки зрения двумя разными «языками», но ставши затем двумя разными типами древнерусского литературного языка, книжно-славянский тип в восточнославянском обличье и народно-литературный восточнославянский тип вступили в сложное и разнообразное взаимоотношение и взаимодействие в кругу разных жанров древнерусской литературы» [4, с. 102].

Концепция В. В. Виноградова нашла отражение и в других работах автора [4, с. 152 – 177; с. 178 – 201], а затем, с некоторыми расхождениями, была перенесена во многие пособия по истории русского литературного языка [6; 8; 11; 5]. Неоднозначность интерпретации «двух типов литературного языка» исследователями, вероятно, объясняется неопределенностью позиции самого В. В. Виноградова. Обращают на себя внимание следующие моменты. Основа литературного языка оказывается «затемнена», она носит смешанный характер. Существенный недостаток виноградовской позиции видится в отсутствии четких признаков разграничения книжно-

славянского и народно-разговорного типов языка. Такое разграничение как будто предполагается в специальной жанровой приуроченности, т.е. закреплённости за определенным корпусом текстов. Однако сам В. В. Виноградов указывает, что это не так: «Промежуточные разновидности литературной речи до XVI в. образуются не на основе синтеза, органического объединения или сочетания этих двух типов русского литературного языка, а путем их смешения или чередования в зависимости от содержания и целевой направленности изложения. Функционально-стилистические различия могут быть обнаружены лишь внутри того или иного типа языка, хотя самые типы далеко не всегда реализуются в чистом виде в композиции целого произведения. К древнерусскому литературному языку применимо понятие «система динамической координации двух структурных типов языка» [4, с. 106]. Какие отличительные черты ученый приписывает этим двум типам языка? Он называет различия, охватывающие «их произносительные системы, их лексико-фразеологический состав и систему словообразования», а также отдельные элементы грамматического строя (склонение и спряжение) [4, с. 106]. Если учесть, что разграничение книжно-славянского и народно-литературного типов проводится преимущественно на лексическом и словообразовательном уровнях, то оказывается, что они мало чем отличаются: соотносительность функциональных элементов на этих уровнях очень сложно выявить. Нужно отметить, что в одной из более ранних работ исследователь специально предпринимал попытку классификации церковнославянизмов и русизмов [3].

Попытки выявить соотносительные элементы были сделаны последователями ученого. А. И. Ефимов, опираясь на более раннее рассуждение В. В. Виноградова о трех типах письменного языка и отождествляя их с типами литературного языка, описывает древнерусский литературный язык (до XIV в.) как систему стилей, куда включен и письменно-деловой стиль [6, с. 35 – 39]. А. И. Ефимовым выделяется набор соотносительных признаков, маркирующих эти группы стилей [6, с. 40–41]; их можно представить в таблице:

Языковые показатели стилей светской письменности	Соотносительные показатели церковно-книжных стилей
1. Преобладание полногласных сочетаний (<i>городь, золото</i>).	1. Неполногласные сочетания (<i>градь</i> и др.).
2. Образования со звуком <i>ж</i> на месте *dj (<i>вожь, жаж</i>).	2. Образования с сочетанием <i>жд</i> в указанной позиции.
3. Слова с <i>ч</i> на месте *tji *kt, *gt п/д гласными переднего ряда (<i>помочь, хочу</i>).	3. Соотносительные образования с аффрикатой <i>щ</i> .
4. Суффиксы причастий <i>-уч, -юч</i> .	4. Соответствующие им суффиксы <i>-ущ, -ющ</i> .
	5. Начальные <i>ра, ла</i> .

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

5. Начальные сочетания *ро, ло*.
6. Начальное *о (одинъ)*.
7. Флексии Р. п. ед. ч. Прилагательных женского рода *-оъ, -еъ*, переходящее в *е (темноъ ночи)*.
8. Флексия Р. и М. п. ед. ч. *-у*.
9. Русский тип образования некоторых падежных форм прилагательных, например, М. п. ед. ч. (*сельскомъ*), Р. п. ед. ч. (*третьего*).
10. Преобладание форм перфекта.
11. Русские по происхождению союзы: *аже, оже, аче*.

6. Начальное *е (единъ)*.
7. Соответствующие им флексии *-ыя, -ия (темныя ночи)*.
8. Соответствующая падежная флексия *-а*.
9. Книжная флексия *-аго*.
10. Преобладание форм аориста и имперфекта.
11. Церковно-славянские союзы: *аще, егда*.

Легко заметить, что в одном ряду оказываются элементы и генетически южнославянские, и такие, которые первоначально характеризовали как русский, так и церковно-славянский язык, поэтому не ясен критерий выделения данных признаков. Кроме того, непонятно, что является определяющим: само наличие элементов одной из групп или их преобладание по отношению к элементам другой группы. Еще одним серьезным недостатком такой дифференциации признаков является неопределенность их состава и соотношения внутри каждой из групп: так, по составу предложенных признаков письменно-деловой стиль может более разительно отличаться от стиля литературно-художественного повествования (хотя оба они принадлежат светской письменности), чем последний от проповеднического.

А. И. Горшков соотносит виноградовские типы языка с определенными литературными памятниками. Среди признаков, характерных для народно-литературного типа языка он называет использование соотносительных старославянских и русских форм с характерными фонетическими признаками, наличие лексики с «конкретным значением», использование языковых средств, связанных с русским фольклором, преобладание бессоюзных, сочинительных и присоединительных связей в сложном предложении, характерных для «устного» синтаксиса [5, с. 98]. Книжно-славянский тип, по А. И. Горшкову, характеризуют такие черты, как преобладание старославянских вариантов над русскими в кругу соотносительных форм, наличие религиозной лексики и фразеологии, метафорическое и символическое осмысление слов с конкретной семантикой, преобладание подчинительных связей в синтаксических конструкциях [5, с. 108].

Здесь мы подходим к интерпретации терминов, предложенных В. В. Виноградовым. «Книжно-славянский» тип у исследователя обозначает безусловную связь с церковно-славянским языком, что дало последователям В. В. Виноградова повод для отождествления этих понятий [например, 5, с. 70; 16, 45]. Таким

образом, у В. В. Виноградова термин «книжный» обнаруживает генетическую, а не функциональную природу этого типа литературного языка. Но церковнославянизмы как элементы книжные не являются маркирующими признаками книжно-славянского типа, так как они есть и в народно-литературном типе. Релевантным оказывается не наличие тех или иных элементов, а их преобладание над элементами, характерными для другого типа.

Понятно, что термин «книжные элементы» в работах приверженцев «лексико-стилистического подхода» (условно назовем его так) не употребляется.

Виноградовское видение дальнейшей судьбы двух типов литературного языка, согласно которому к XVI в. начинается их преобразование в три стиля, высокий, посредственный и простой, вызвало дальнейшую корректировку в работах сторонников ученого. Например, Н.А. Мещерский отмечает, что «Московский период начала XVI в. имеет лишь две разновидности – церковно-книжную и деловую, – поскольку промежуточная, народно-литературная разновидность к этому времени растворилась в двух крайних разновидностях литературно-письменного языка» [11, с. 112].

Отсутствие определенных функциональных показателей для разновидностей литературного языка донациональной эпохи, как они были представлены в работах В. В. Виноградова и его последователей, ставило перед историками языка задачи, связанные с поиском таких показателей.

Во второй половине XX века появляются новые исследования, критически осмысляющие концепцию «двух типов литературного языка»; вновь в центре внимания оказываются рассуждения об основе литературного языка, но на этот раз исследователи возвращаются к церковно-славянской природе последнего. Аргументы тому находятся уже не в сфере лексики, фразеологии и стилистико-синтаксических особенностей, а в сфере грамматики. Мысль о церковно-славянской основе русского литературного языка XVII в., основанная на грамматических признаках, одними

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

из первых была высказана Г. А. Хабургаевым и О.Л. Рюминой. В результате анализа произведений светской литературы – «Есиповской летописи», «Бытовых повестей» и «Фацевий» – исследователи пришли к выводу, что во всех этих текстах использована церковно-славянская система прошедших времен (аорист и имперфект), поэтому «приходится сомневаться в справедливости утверждения, будто «книжно-славянский и народно-литературный типы русского языка в их стилевых вариациях ко второй половине XVI – к началу XVII в. образуют три стилевых потока или три стиля литературного языка: высокий, или торжественный, простой (стиль просторечия) и средний между ними, или посредственный» [17].

Именно «грамматический» подход позволил рассматривать церковнославянский язык (книжный) в функциональном аспекте. Известно, что многие грамматические черты (в частности, система глагольных времен), первоначально были общими для церковно-славянского и русского языков, и стали специфически книжными только после их исчезновения в последнем.

«Грамматический» подход к языковой ситуации донациональной эпохи получил широкое распространение в дальнейших исследованиях. В них постулируется церковно-славянская природа русского литературного языка, который противопоставляется языку деловой письменности [1; 16; 14; 15; 7]. Понятия «книжный язык» и «книжные элементы» (признаки книжности), всякий раз соотносимые с церковно-славянским языком, получают ту или иную функциональную коннотацию в зависимости от исследовательской позиции.

Так, М. Л. Ремнева опирается в своей работе на терминологию В. В. Виноградова, но интерпретирует ее по-своему, предлагая говорить «о двух типах нормы книжно-славянского литературного (церковно-славянского языка русского извода)» [14, с. 13]. Поскольку концептуальным в работе М. Л. Ремневой оказывается сосуществование двух грамматических норм русского письменного языка – нормы книжно-литературного языка в двух вариантах, «строгом» и «упрощенном», и нормы языка деловой письменности, постольку «признаки книжности» – это, прежде всего, черты нормы литературного языка средневековья, противопоставленные соответствующим элементам делового языка [14].

Б. А. Успенский во всех своих исследованиях отождествляет книжный язык с церковно-славянским в его динамическом развитии: «...В процессе исторического развития на разных этапах эволюции оба понятия – «церковно-славянское» и «русское» – существенно меняли свое содержание; тем не менее, самая дихотомия,

сама оппозиция церковно-славянского и русского оставалась и на каждом этапе отчетливо осознавалась коллективным языковым сознанием» [16, с. 3]. При разработке известной концепции диглоссии ученый рассматривает «книжный язык» как более широкое понятие по сравнению с «литературным языком». «Книжный» наделяется разными культурными (семиотическими) функциями. Таким образом, в оппозицию книжный/некнижный включаются более частные оппозиции: литературный / нелитературный, сакральный / профанный (мирской), культурный/бытовой [16, с. 9 – 10]. Несмотря на то, что концепция диглоссии носит дискуссионный характер, что не осталось без внимания историков литературного языка [например, 5; 14; 7], ряд важных моментов в ней продолжает оставаться актуальным, в частности, регламентация противопоставления церковно-славянского и русского на грамматическом уровне [16, с. 39 – 40].

Понятия «книжный язык» и «признаки книжности» становятся базовыми при описании литературного языка с XI вплоть до начала XVIII века в работах В. М. Живова, детально проанализировавшего языковую практику всего XVIII столетия [7]. Выявление элементов (или признаков) книжности происходит путем реконструкции языкового сознания определенной эпохи: «Само по себе происхождение элементов не определяет связанных с ними социокультурных коннотаций, существенно не происхождение элемента, а его квалификация в языковом сознании носителей, т.е. не генетические, а функциональные параметры» [7, с. 19].

Для того чтобы понять, о каких именно функциональных параметрах идет речь, остановимся на механизме реконструкции языкового сознания донациональной эпохи, предложенного В. М. Живовым.

По мысли автора, книжный язык (которым являлся церковнославянский) до XVIII в. существовал в виде двух основных регистров, стандартного и гибридного, которые создавались при помощи двух автономных механизмов: а) механизма признаков книжности или механизма пересчета и б) механизма ориентации на тексты [7, с. 23]. Механизм пересчета работал тогда, когда не было готового образца (текста) для ориентации на него, и пишущий (автор) прибегал к соотношению отдельных книжных элементов с элементами живого языка. При этом не требовалось сплошных соответствий, соотношение нужно было «лишь для многократно повторяющихся элементов, которые образуют структурную основу высказывания» [7, с. 23]. Механизм ориентации на тексты заключается в использовании «готовых фрагментов текста, форм и конструкций, известных пишущему из того корпуса текстов,

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

которые он помнит наизусть» [7, с. 24]. В этом случае эксплицируется влияние ментальной традиции. Результатом действия первого механизма становится гибридный регистр книжного языка, результатом действия второго – стандартный регистр. Деловой язык при этом остается за пределами книжности.

Признаки книжности, как и гибридный регистр, формируются в процессе отталкивания от не книжного языка, который не остается неизменным. Поскольку указанные элементы являются десемантизированными знаками книжного характера текста, постольку все остальные элементы оказываются нерелевантными и могут свободно заимствоваться из иного узуса, образуя своеобразный синтез.

По мнению исследователя, после второго южнославянского влияния развивается грамматический подход к книжным текстам, который распространяется на все регистры книжного языка. В этой ситуации ориентация на образцы или использование собственного языкового опыта становятся «незаконными», в силу вступает действие системы правил. Возникают как бы два новых книжных языка: церковно-славянский, ориентированный на грамматику («ученый церковно-славянский») и традиционный церковнославянский, к которому примыкает и гибридный регистр. Это обстоятельство и породило стремление найти «простой» язык в противоположность ученому книжному языку [7, с. 42 – 54]. В роли этого «простого» языка выступил гибридный церковно-славянский. Позднее Петр, регламентируя языковые изменения в контексте культурной секуляризации, диктует полный отказ от церковной традиции. Литературные деятели Петровской эпохи, работая в рамках определенной программы, создают «простой» язык на базе гибридного регистра, из которого исключаются признаки книжности. К числу программных произведений В. М. Живов относит переводы «Географии генеральной» Варения и «Библиотеки» Аполлодора, а также «Историю Петра Великого» Феофана Прокоповича [7, с. 90 – 110]. «Как можно видеть, новизна «простого» языка Петровской эпохи, осуществленный в это время разрыв с традицией состояли в отказе от признаков книжности как показателей ценностного (литературного) характера языка. При таком развитии литературность текста неизбежно связывается с его культурной функцией, а не с его формальной принадлежностью одной из книжных письменных традиций» [7, с. 111].

Точка зрения В. М. Живова получила свое продолжение при анализе произведений, принадлежащих различным литературным жанрам [15; 13].

Итак, исследователи, придерживающиеся

«грамматического» подхода, едины во мнении, что:

- 1) русским литературным языком донациональной эпохи был церковно-славянский;
- 2) элементы, отождествляющие этот язык в сознании носителей языка, выявляются, прежде всего, на грамматическом уровне, а лексические показатели являются вторичными;
- 3) деловой язык не является книжным.

С XV по XVIII вв. намечается своеобразная иерархия книжных элементов. Базовым признаком книжности всеми единодушно признается наличие простых претеритов (Г. А. Хабургаев, О. Л. Рюмина; М. Л. Ремнева, Е. Г. Солуянова, В. М. Живов), следующим по значимости в этой иерархии нужно назвать двойственное число (М. Л. Ремнева; Е. Г. Солуянова; В. М. Живов), затем использование оборота «дательный самостоятельный» (М. Л. Ремнева; В. М. Живов); согласованные причастия в полупредикативной или предикативной функции (В. М. Живов; Е. Г. Солуянова). В качестве элементов книжной нормы М. Л. Ремневой также выделены конструкции «да + презенс глагола» в целевом и императивном значении и «аще + презенс глагола» в условном значении [14].

Е. Г. Солуянова на материале исторических памятников XVIII века выделяет целый ряд грамматических и лексических (в основном незначительных слов) элементов, которые, правда, не могут служить самостоятельными маркерами книжного текста, а выделяются на фоне основных (простых претеритов):

- древние формы настоящего времени нетематических глаголов;
- формы инфинитива на *-ти*;
- формы существительных (исторического X словоизменительного класса) с сохранением исторического аффикса **(e)s*;
- формы И. п. мн. ч. на *-ие* существительных с исторической основой на **ĭ* (IX словоизменительный класс) со значением множественности;
- именные формы качественных прилагательных в определительной функции;
- личное местоимение 1-го лица *азь*;
- формы И. п. мн. ч. указательного местоимения *тотъ*, дифференцированные по роду;
- формы И. п. мн. ч. местоимения *весь – вси (вси)*;
- церковно-славянские наречия *абие, послѣди, паки* и т.п.;
- качественные наречия на *-ръ*;
- церковно-славянские союзы;
- наречия и местоимения в роли союзных слов;
- частицы *бо, убо, аще* [15, с. 181 – 182].

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Показательно, что те языковые единицы, которые представители «лексико-стилистического» подхода традиционно причисляют к славянизмам, представители «грамматического» подхода не включают в оппозицию «книжное/некнижное» [7, с. 28 – 30].

Прежде чем дать определение понятию «книжные элементы», как оно понимается нами в дальнейшем, укажем два момента, имеющие отношение к данной работе.

Во-первых, специфика обозначенных выше исследований заключается в том, что в них книжные элементы отождествляются в «родственном контексте», т.е. в книжных текстах. Этим, возможно, объясняется набор признаков книжности и своеобразие приписываемых им функций. В данной работе описывается функционирование книжных элементов в «неродственном контексте», в деловой, а именно актовой, письменности, язык которой, как было указано раньше, более или менее последовательно не считают книжным. Это обстоятельство накладывает свой отпечаток на особенности функционирования подобных элементов в деловом языке. Например, по общему признанию, система глагольных времен, представленная в текстах делового письма (в том числе XVIII века), является русской, поэтому употребление отдельных архаичных временных форм, таких как аорист, не может быть в данном случае объяснено стремлением придать тексту книжный характер или следованием определенным нормам, а должно быть обусловлено иными причинами.

Вторым важным моментом, на который следует здесь указать, является избирательность в отборе книжных элементов для последующего анализа. Такая избирательность связана с учетом (путем реконструкции) функциональных или функционально переосмысленных в качестве иных стилистических единиц. В этой связи «генетические славянизмы», которые традиционно являлись (и продолжают быть) предметом исследований, посвященных славянизмам, или «книжно-славянским

элементам», оказываются релевантными в оппозиции «книжное/некнижное» (для языка деловой письменности) только в случае, если их употребление особым образом мотивировано. Именно поэтому тезис о том, что в текстах делового письма нового времени происходит нейтрализация славянских (старославянских) по происхождению форм, скажем, с суффиксами *-аницј*, *-ств-* или с формантом *жд*, во-первых, не дает ничего нового для исследования подобных единиц, а во-вторых, неверен, так как нейтрализация произошла не в тексте, а еще до этого в языке. Рассматривать подобные формы целесообразно в связи с установлением их функционального статуса.

Для данного исследования представляется значимым то, что понятие «книжные элементы» является исторически изменчивым. Как было показано выше, книжность в донациональную эпоху была однозначно связана с церковно-славянским языком. В эпоху формирования национального языка, начало которой относится к XVIII столетию, содержание понятий «книжность» и «книжные элементы» существенно меняется. Результат этого изменения можно наблюдать в современном языке, в котором к книжным относятся единицы различного происхождения, в том числе славянского [9; 19; 10]. Все они, имея различные стилистические функции, являются конститутивными элементами единого национального литературного языка.

Итак, книжными элементами для донациональной эпохи считаем единицы, отождествляемые носителями языка с единицами церковнославянского языка своего времени. В этом значении книжные элементы тождественны понятиям «церковно-славянский элемент» и «славянизм». В национальную эпоху объем понятия «книжные элементы» расширяется: в числе прочих единиц к книжным элементам теперь относятся славянизмы и канцеляризмы, в том числе восходящие к церковно-славянской традиции.

References:

1. Avanesov, R. I. (1973). *O drevnebolgarskom – (drevne)cerkovno-slavjanskom vklade v istoriju russkogo literaturnogo jazyka // Lingvogeografija, dialektologija i istorija jazyka*. (pp. 157-163). Kishinev.
2. Ahunzjanov, J. M. (1978). *O genezise literaturnogo zyka // Vostochnoslavjanskoe i obshhee jazykoznanie*. (pp. 201-208). Moscow.
3. Vinogradov, V. V. (1927). *K istorii leksiki russkogo literaturnogo jazyka // Russkaja rech'*. (pp. 90-118). Leningrad.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

4. Vinogradov, V. V. (1978). *Istorija ruskogo literaturnogo jazyka: Izbrannye trudy*. (320 p.). Moscow: Nauka.
5. Gorshkov, A. I. (1984). *Teorija i istorija ruskogo literaturnogo jazyka*. (319 p.). Moscow: Vysshaja shkola.
6. Efimov, A. I. (1961). *Istorija ruskogo literaturnogo jazyka*. (322 p.). Moscow: Uchpedgiz.
7. Zhivov, V. M. (1996). *Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*. (591 p.). Moscow: Jazyki russkoj kul'tury.
8. Kovalevskaja, E. G. (1992). *Istorija ruskogo literaturnogo jazyka*. (384 p.). Moscow: Prosveshhenie.
9. Kostomarov, V. G. (1965). *O razgranichenii terminov «ustnyj» i «razgovornyj», «pis'mennyj» i «knizhnyj» // Problemy sovremennoj filologii*. (pp. 172-176). Moscow.
10. Lapteva, O. A. (1997). *Knizhnaja rech' // Russkij jazyk: jenciklopedija*. (pp. 189-190). Moscow.
11. Meshherskij, N. A. (1981). *Istorija ruskogo literaturnogo jazyka*. (279 p.). Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta.
12. Mihajlovskaja, N. G. (1975). *K probleme normy drevneruskogo jazyka // Voprosy jazykoznanija*. № 3. (pp. 119-127). Moscow: Nauka.
13. Moldovan, A. M. (2003). «*Povest' o Petre Zlatyh Ključej*» i ruskij knizhnyj jazyk XVII v. // Avanesovskij sbornik. (pp. 207-214). Moscow.
14. Remneva, M. L. (2003). *Puti razvitija ruskogo literaturnogo jazyka XI – XVII vv.* (336 p.). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.
15. Solujanova, E. G. (1989). *Jazyk russkih istoričeskij sočinenij konca XVII – načala XVIII v.: dis... kand. filol. nauk*. (16 p.). Moscow.
16. Uspenskij, B. A. (1983). *Jazykovaja situacija Kievskoj Rusi i ee znachenie dlja istorii ruskogo literaturnogo jazyka // Doklady IX Mezhdunarodnogo s'ezda slavistov*. (144 p.). Moscow.
17. Haburgaev, G. A. (1974). *Staroslavjanskij jazyk*. (432 p.). Moscow: Russkij jazyk i literatura.
18. Hjutl'-Vort, G. (1978). *K normalizacii ruskogo literaturnogo jazyka novogo vremena // Vostočnoslavjanskoe i obšhee jazykoznanie*. (pp. 197-201). Moscow.
19. Shmelev, D. N. (1977). *Ruskij jazyk v ego funkcional'nyh raznovidnostjah (k postanovke problemy)*. (167 p.). Moscow.